

ЖИЗНЬ, ЖРЕБИЙ И РОК-Н-РОЛЛ

Оксана Царькова

Жизнь, жребий и рок-н-ролл

«Издательские решения»

Царькова О.

Жизнь, жребий и рок-н-ролл / О. Царькова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-678278-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Любая сказанная, напечатанная, спетая фраза может что-то изменить в собеседнике, читателе или слушателе, причём на каждого эта фраза может повлиять по-своему. Писатель и рок-певица приходят к этому выводу, в течение шести часов слушая песни известных рок-музыкантов, создавая в воображении каждый свои истории. Как эти истории повлияют на тебя? * * * Книга создана авторами закрытого клуба писателей «Сто историй» по идее и технологии коллективного творчества.

ISBN 978-5-00-678278-5

© Царькова О.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация и приглашение вместо предисловия	6
Жизнь, жребий и рок-н-ролл	7
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Жизнь, жребий и рок-н-ролл

Авторы: Доброеутро Сергей Анатольевич, Gus_Eva, Ломакина Ирина Евгеньевна, По Юлия, Царькова Оксана, Ясницкая Наталья, Климова Юлия, РыбкиНа, Осипова Елена, Мотовилова Татьяна Александровна, Гузова Ольга, Авдеева Кристина, Ширяева Ирина, Чежегова Марина, Эл. Дэ.

Корректор Людмила Терменёва

Дизайнер обложки Александра Рыжова

© Сергей Анатольевич Доброеутро, 2025

© Gus_Eva, 2025

© Ирина Евгеньевна Ломакина, 2025

© Юлия По, 2025

© Оксана Царькова, 2025

© Наталья Ясницкая, 2025

© Юлия Климова, 2025

© РыбкиНа, 2025

© Елена Осипова, 2025

© Татьяна Александровна Мотовилова, 2025

© Ольга Гузова, 2025

© Кристина Авдеева, 2025

© Ирина Ширяева, 2025

© Марина Чежегова, 2025

© Эл. Дэ., 2025

© Александра Рыжова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-8278-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация и приглашение вместо предисловия

Любая сказанная, напечатанная, спетая фраза может что-то изменить в собеседнике, читателе или слушателе, причём на каждого эта фраза может повлиять по-своему. Писатель и рок-певица приходят к этому выводу, в течение шести часов слушая песни известных рок-музыкантов, создавая в воображении каждый свои истории.

Как эти истории повлияют на тебя?

* * *

Книга создана авторами закрытого клуба писателей «Сто историй» по идее и технологии коллективного творчества.

* * *

Если вы сочиняете истории,
если хотите их опубликовать,
если готовы к коллективному творчеству...

приглашаем вас стать резидентом закрытого клуба писателей «Сто историй»

«Сто историй» – первый закрытый клуб писателей, где создаются и печатаются книги на основе коллективного творчества.

Здесь каждый читатель – писатель, а каждый писатель – читатель. Ведь каждый доктор тоже чей-то пациент, верно?

Ссылка на сайт клуба в конце книги.

* * *

Если вы только читатель, пока ещё только читатель, то добро пожаловать в книгу «Жизнь, жребий и рок-н-ролл». Знакомьтесь с главными героями и едем вместе с ними по федеральной автомобильной дороге М-4 «Дон» из Воронежа в Москву, слушаем хорошую музыку, наблюдаем за историями, созданными авторами клуба, а, может быть, сравниваем со своими ассоциациями, с историями из своей жизни?

Жизнь, жребий и рок-н-ролл

***

В Воронеж я приехал уже в третий раз. Снова по работе, снова в командировку, снова на машине и снова на сутки. В пять утра – старт из Москвы, в одиннадцать-двенадцать – встречи, визиты, переговоры, а после девятнадцати часов – вечерние посиделки с партнёрами и воронежскими коллегами. Потом – гостиница, и утром, после плотного завтрака, уничтожающего «воспоминания» желудка о принятом на грудь алкоголе, – в обратный путь.

В какой бы компании я ни работал, сценарий командировки один и тот же. Менялись адреса, лица, виды деятельности компании (от розничной торговли до поставки высокотехнологичного оборудования), названия ресторанов для неформальной встречи, а алгоритм поездки оставался прежним. Этот сценарий с небольшими корректировками по времени повторялся и в Липецке, и в Курске, и в Нижнем Новгороде. Не знаю почему, командировки в Воронеж я любил больше.

В этот, как я написал, уже в третий раз, всё также шло по сценарию, но с небольшим отличием. Коллеги пригласили меня не в ресторан, а в бар «Дизель», объяснив выбор места для неформального общения следующим образом:

– Сергей Анатольевич, мы знаем, что вы русский рок любите, а в этом баре сегодня наш воронежский «Маринад» выступает. Приглашаем на ужин и на концерт.

Приятно, чёрт возьми, когда твои коллеги хорошо знают твой вкус. Естественно, я ответил согласием на приглашение и не пожалел.

Группа «Маринад» оказалась весьма интересной и вкусной, а голос и энергетика рыжеволосой вокалистки вызвали во мне истинный восторг, о котором я после их выступления и сказал коллегам. Максим (так звали одного из моих коллег) неподдельно улыбнулся и пригласил вокалистку к нам за столик. Я услышал её слегка охрипший после полуторачасового концерта голос.

– Макс, ну ты знаешь, что я за столики не присаживаюсь, – сказала она.

Тогда по-джентельменски я решил встать. Макс подвёл огненную вокалистку ко мне и представил:

– Знакомьтесь, Сергей Анатольевич, моя сестра, Марина.

– Очень приятно, – сказала Марина. – Я так понимаю, вы начальник моего братика?

Я ответил:

– Предпочитаю слово «коллега». Да, мы работаем вместе, но в разных городах. Я бы хотел высказать вам своё восхищение. Марина, во-первых, очень рад знакомству, а главное, вы делаете замечательную музыку. Пишете сами?

– Стараюсь.

В разговор вмешался Макс:

– Марина завтра стартует в Москву, на отбор в «Голос».

– Правда? – этот вопрос я адресовал Марине, но ответил на него Максим:

– Правда-правда, я же её везу.

Разговор как-то сам собой приобрёл практичный оттенок. Я спросил Макса:

– У тебя дела в Москве?

– Особо нет, просто Марину хотел отвезти.

– Давай я отвезу. Я завтра всё равно стартую домой. Марина, вы не против?

Марина посмотрела на Макса, как будто спрашивала взглядом его разрешения, потом перевела взгляд на меня:

– Не против.

Этой фразы было достаточно, чтобы на следующее утро...

***

На следующее утро я рано утром заехал за Мариной по указанному адресу. Пришлось подняться за ней, чтобы спустить вниз тяжеленный чемодан, в котором, как объяснила Марина, было всё необходимое для двухминутного выступления перед комиссией. Очевидно, в современном шоу-бизнесе внешний вид играет невероятное значение, если с собой нужно тащить столько одежды. Марина по моему взгляду поняла моё удивление и, когда я загружал её чемодан в багажник, поспешила объяснить:

– Понимаете, я ещё не выбрала, в чём на прослушивание пойду, поэтому взяла все возможные варианты.

– Я думал, что в «Голосе» главное – голос, – с долей скептицизма сказал я, но Марина парировала:

– Главное – да, но внешний вид на выбор комиссии тоже влияет.

– Пусть будет так. Садитесь, – я открыл перед Мариной дверь в машину. – Поехали!

И мы поехали.

***

Минут пять ехали молча. Похоже, Марина испытывала какое-то неудобство, не знала, как начать общение. И я комплексовал перед молодой красивой женщиной, не понимая в принципе, на какие темы можно разговаривать с рок-певицами.

Всё стало проще после одной моей фразы:

– Не возражаете, если я музыку включу? Не могу в тишине ехать.

– Конечно, – ответила Марина. – Что мы слушаем?

– Вы знаете...

– Давай на ты, нам же ехать часов шесть или больше. Устанем выкать.

– Давай! Так вот, ты знаешь, я всё время в дальний путь накидываю в папку на флэшку несколько групп и ставлю случайный выбор. Это не даёт мне заснуть. Меняются и звучание, и вокал, и динамика. Как-то всё происходит случайно, как в жизни.

– А стиль?

– «Всё это рок-н-ролл», – процитировал я Константина Кинчева и уточнил: – Русский рок. У меня здесь дискографии пятнадцати команд, которые я очень люблю.

– Что ж, посмотрим, насколько у нас вкусы совпадают. Мы играть начинали с каверов. Я очень много русского рока перепела в своё время. Это сейчас больше стараемся свои вещи играть...

Она прервалась. Видимо, ей хотелось поговорить со мной на тему своего творчества, но пока она, эта тема, была преждевременной. Возникла странная пауза, которую я нарушил своим рассказом:

– Я когда-то и поигрывал любительски песни этих групп, и слушал, внимая каждый текст, а потом что-то изменилось. Я перестал воспринимать их глубоко и цельно. Это особенно проявляется, если я куда-то долго еду один. Слушаю и думаю о чём-то своём, так, как будто и ни о чём конкретно, и обо всём сразу, и вдруг случайка подкидывает какую-то композицию, мозг выхватывает из неё фразу или целый куплет, и как-то ассоциативно сознание рисует движущуюся картинку, а часто – и целую историю. Иногда это мои воспоминания, иногда – мои фантазии, а иногда – явно не мои. Я не могу это объяснить.

– Сергей Анатольевич, ты так со мной не шути, а то я влюблюсь в тебя к концу пути.

– Не понял.

– Я чувствую то же самое. Так же слушаю, так же придумываю и додумываю. Меня часто какая-то фраза наталкивает на сочинение своих стихов и песен. Наверное, это плохо.

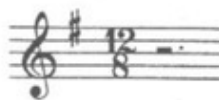
Она опять начала скатываться к теме своего творчества. Тогда я уже не стал менять направление диалога и просто спросил:

– Почему это плохо?

– Не знаю, но мне кажется, что поэт и музыкант не должен вдохновляться чужим творчеством, вдохновение должно идти откуда-то изнутри.

– Что ж, по-вашему... извини, по-твоему, автор должен находиться в самоизоляции от других авторов? Это чушь! Мы все влияем друг на друга тем или иным образом.

Разговор не зашёл в тупик. Разговор подошёл к моменту, когда спорить было не о чем. Просто каждый переживал и проживал в себе сказанное другим. Воспользовавшись этим моментом молчаливого размышления на двоих, я включил музыку.

*Здесь в силе волчий метод —
«Цена достойна потерь»,
Но если ты строишь свой дом на камнях,
Бойся, проси и верь.*

«Алиса»

Бытует мнение, что самое беспокойное время ночью – «час волка», между четырьмя и пятью часами утра. В этот час люди становятся наиболее уязвимыми перед потусторонним миром. Говорят, в этот час высока вероятность встретить своего доппельгангера.

У каждого человека есть тёмная сторона личности, так называемый доппельгангер, или тёмный, злой двойник.

Обычно они неразговорчивы, и увидеть их можно только в переломные моменты жизни в качестве предвестника какого-то трагического события. Будь то болезнь, смерть близких людей или самого человека.

Марусе довелось встретиться со своим доппельгангером именно в тот момент, когда ей был необходим друг, но друзей не было и она осталась одна в этом мире. Отца не стало чуть больше двух месяцев назад, мама умерла как раз в день, когда Маруся пришла в этот мир.

Этакая тургеневская девушка, она воспитывалась отцом в любви и заботе, имела покладистый и добрый нрав. Помогала пожилым соседям с домашними хлопотами, по выходным работала в местном приюте волонтером, ухаживая за братьями нашими меньшими.

Но почему-то часто люди, в которых нет зла, которые готовы дарить душевное тепло этому миру и окружающим, в ответ добра не получают, как будто бы для них в этом мире добра не хватает.

Приехав с работы домой, Маруся заварила чай и, сев за стол на кухне, взяла фотографию папы, чтобы по привычке рассказать, как прошёл день. На работе не ладились отношения с коллегами: они в открытую травили Марусю из-за того, что она была не такой, как все. Синдром отличницы, привитый папой ещё в раннем детстве, сыграл с ней злую шутку. Безукоризненно выполняющая свои обязанности, она никак не могла сблизиться с коллегами и на работе прослыла белой вороной из-за способности видеть в людях только хорошее, не замечая пло-

хого. Хотелось выговориться, попросить у папы совет, как это порой бывало, но на все свои вопросы Маруся слышала только звенящую тишину.

По щекам потекли горячие горькие слёзы, а с комом в горле не способен был справиться даже свежесваренный горячий чай.

– Эй, тише, не плачь. Мы со всем справимся, – Маруся слышала вкрадчивый шёпот.

Женский голос был до боли знаком и доносился из открытой ванной комнаты, откуда пробивался едва уловимый свет.

– Кто здесь? – от неожиданности крикнула она.

По спине пробежал холодок. Маруся прекратила всхлипывать и начала вслушиваться в тишину.

– В смысле кто? – продолжил голос уже с нотками иронии.

Взяв себя в руки, Маруся встала со стула. В голове метались мысли о ворах, каким-то образом проникших в квартиру в её отсутствие.

– Ну же, иди сюда, я не кусаюсь, даю честное слово, – голос начал подтрунивать над Марусей.

На негнущихся, ватных ногах Маруся дошла до двери в ванную. Там, в зеркале, она увидела своё отражение. Но между ней и той девушкой в зеркале была, казалось бы, целая пропасть. Выражение лица было надменным, а в небесно-голубых глазах плясали хищные огоньки.

– Хватит реветь, давай возьмём себя в руки. Хочешь, я тебе помогу? – продолжило отражение.

– Спасибо, не нужно. У меня всё хорошо, – Маруся вздохнула, как будто сама не верила своим словам.

– Давай соглашайся, ты моя должница, помнишь? – отражение вопросительно посмотрело на неё.

Последняя фраза будто набатом прозвучала в Марусиной голове, и она вспомнила... До 14 лет девушка не раз была на грани жизни и смерти и, каждый раз от трагического финала её уберегал внутренний голос, как ей тогда казалось.

В первый раз трагедия едва не случилась в парке аттракционов. Ей было 11, они с папой полчаса стояли в очереди, чтобы прокатиться в вагончике, и перед самой посадкой внутренний голос начал навязчиво повторять: «Уходи». Она расплакалась, пришлось уйти с аттракциона. Из-за скрытой технической неисправности как раз тот вагончик, в который не села Маруся, сорвался с рельс, и все его пассажиры погибли.

Второй случай произошёл в день её 13-летия. Она стояла на автобусной остановке и вновь слышала: «Беги». Вспомнив трагические события прошлого, она поспешила подальше от остановки. За спиной раздался визг тормозов: в остановку на полной скорости врезался автомобиль, и находившиеся там люди погибли.

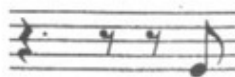
Чувствуя себя обязанной, она согласилась принять помощь от незнакомки и сделала шаг навстречу неизвестности, на деле оказавшимся шагом в пропасть. В ту же секунду Маруся оказалась по другую сторону зеркала.

Даже после самой тёмной ночи наступает рассвет, но для Маруси эта ночь стала последней. Сама того не понимая, она согласилась стать тенью своего двойника.

– Я же обещала, что тебе помогу. Теперь ты свободна, – отражение прищурилось, в глазах по-прежнему плясали хищные огоньки.

А вы замечали резкую смену настроения или даже характера у своих близких? Уверены ли вы в том, что они не поддались на уговоры «внутреннего голоса»?

Юлия Климова

*Я забываю говорить, я забываю промолчать,
Я забываю сделать то, что я успел пообещать,
Я забываю.*

«Зоопарк»

Забыла утюг отключить от розетки! Или отключила? А дверь закрыть? Закрыла вроде. В спешке спускаюсь по лестнице и вспоминаю, всё ли убрала, чтобы ничего не пропало и не сгорело, когда вечером вернусь домой.

В последнее время забываю вещи, ключи, назначенные встречи. Записала в календарь все значимые события, но и телефон забываю то в одном месте, то в другом и пытаюсь вспомнить, где его оставила, и судорожно принимаюсь за поиски, тратя на это немало времени.

Администратор Оленька, умничка, напоминает мне расписание на день, предупреждая за полчаса до начала планёрок или переговоров. Не знаю, как бы без неё справлялась.

Крупная строительная компания досталась мне от родителей. Они незадолго до своего юбилея и пятидесятилетия сказали, что я выросла и выучилась, чтобы справиться без них, и свалили в закат. Не в прямом, конечно, смысле, а улетели за границу. Я вижу их улыбающиеся лица по видео на фоне белого песка и морских волн. Или не морских, там океан. Не важно. Но вся их выстроенная коробочка, которая работала и приносила неплохой доход, кажется, разваливается, а я всё забываю и никак не могу себя организовать.

Ну почему, когда они были рядом, у меня всё получалось? И переговоры, и встречи. Я заключала контракты с иностранными партнёрами на самых выгодных условиях. В мыслях выстраивались цепочки цифр, и дальнейшие шаги виделись прямой дорогой. Я знала, как получить нужный результат. Но... Я всё помнила! Что случилось? Я в очередной раз поймала себя на желании взяться за волосы и подёргать их. Или о стену побиться? Не поможет? Может, попробовать и станет лучше?

– Да, мам, тебя не слышно! – резкий телефонный гудок с любимой мелодией «Зоопарка» прервал мысли, но я сбросила звонок.

Нет, родителям говорить рано, нужно собраться и что-то делать. Но что? На работе запланированы очередные планёрки с начальниками отделов. Справятся и без меня. Поеду к товарищу по несчастным школьным годам. Он сейчас профессор, светила науки и кто-то там ещё. Но он должен меня обследовать. Это опухоль? Она влияет на память, но других симптомов нет. Снижения зрения, головных болей. Хватить гадать и страдать. Обследуюсь и всё узнаю. Так я себя успокаивала, пока водитель парковался у высотки с тонированными дверными стёклами.

А ничего Лёшка устроился. Холл в мраморной плитке, за стойкой девица с модельной причёской. Она повернулась к входу с профессиональной улыбкой, за которой и намётанный глаз не заметит ничего, кроме желания услужить.

– Доброе утро! Меня зовут Алевтина. Возможно, произошла ошибка и запись забыли внести в график встреч, – затараторила девица. – Напомните имя, пожалуйста. Как вас представить?

– Не нужно доктора. Алексей Михайлович на месте?

– Алексей Михайлович, к вам пришли. Да, хорошо!

– Прошу, вас проводит Сергей.

Я и не заметила, как в холле появился мужчина. Он выглядел стройным. На уровне глаз – спина. Я сосредоточилась на спине правильной трапеции. Очнулась, когда мы поднялись на верхний этаж и оказались в круглом кабинете с панорамными окнами и видом на город.

– Лидочка, душа моя, если бы ты не позвонила, я бы тебя и не узнал. Как ты выросла и похорошела! – услышала я со стороны, засмотревшись на город.

– Сомнительный комплимент, не находишь? – я повернулась и внезапно растерялась.

Не знала, как себя вести с этим потолстевшим армянским вариантом подростка Алексея со смешными очками. Только они и были той же формы, что и десять лет назад. Они также нелепо держались, прикрывая прищуривающиеся глаза. Но я помнила, как обманчива внешность. Его острый ум и незатейливые шутки приводили к неприятностям обидчиков.

– Чай? Нет, тебе только шампанское! Хотя, о чём я, ты наверняка не просто так решила повидать школьного товарища. Но садись, садись. Сейчас организуем.

– Я не голодна и по делу. Можешь меня обследовать? – зажмурившись, я выдохнула то, зачем пришла, боясь передумать.

Так началась долгая история белых палат, капельниц, уколов. Но закончилась она по-другому. И я снова забыла как...

Наталья Ясницкая

Не ищи меня, мать, ушёл день обнимать.

Ты прости меня, мать, – пропал ночь обнимать.

Чья беда, что мы все навсегда уходили из дома.

«Калинов мост»

Первый раз Алан не ночевал дома, когда ему было семнадцать.

Конечно, родители не особо стремились куда-то там его отпускать, но градус осмотренности снижается, если обстоятельства грядущей отлучки обрастают сочными подробностями. К примеру: «Буду Климу помогать обоим в его комнате клеить. Он забился с родоками, что до утра сделает. Обоим уже купил, смешные такие, формулы на них нарисованы. Я возьму твой фартук, мам?»

Проверил на себе. Многократно. Работает. А ещё чем-нибудь ошарашивал, типа: «Климу сейчас поддержка нужна. Его Анастасия Валерьевна бросила. Ну да, химичка наша. Они же почти год встречались. Я не говорил?» Ну и, конечно, Алан не задавал напрямую вопросов типа «Можно мне остаться у Клима?» А спрашивал: «Можно взять фартук?» Это то, что было нужно. И родители думали над фартуком, а не над разрешением ночевать вне дома.

Конечно, обоев никаких не было. И про химичку он всё выдумал.

О, как к семнадцати годам Алан научился врать! Любой бы позавидовал. Когда он понял, что реакция окружающих на враньё ему куда больше импонирует, чем на правду, вот тогда Алан и стал пользоваться этим напропалую. И поначалу врал исключительно по поводу. Врал так, как того требовали обстоятельства, слушатель и его ожидания с учётом момента, ресурса и предыстории. При этом ощущал себя не просто героем захватывающего романа, а властелином судеб, прекрасным сыном, принцем, музыкантом, другом, поэтом.

Он мог быть шикарен в любых вымыслах, и ему это нравилось. До того нравилось, что ложь стала его кислородом, она проистекала из него просто так, без повода и без причин. Алан мог мимоходом упомянуть овсянку, которую ел на завтрак, хотя на завтрак были бутерброды со шпротами. И он не знал, зачем врал. Ну, или думал, что не знал. Если бы кто-нибудь вздумал записать его враки, систематизировать их по категориям, то Алан вполне мог бы рассчитывать на известность, причём совершенно в разных жанрах: там были бы и женские романы, и исторические хроники, и мистика, и комедии с приключениями, а какие это были бы боевики!

Говорят, правда всегда выходит наружу. Алан в это не верил. Из потребителей его лжи единицы когда-либо усомнились в правдивости им сказанного. Заметьте: «усомнились». Потому как обычному человеку и в голову не приходило, что может быть столько душевной и сочной неправды. С точки зрения среднестатистического индивида это невозможно, так не врут, да и незачем. Были, пожалуй, единичные случаи, когда Алан был пойман и уличён, но он умел свести такие случаи на нет. Поймать его на неправде мог только человек с твёрдым логическим мышлением, а оно-то и вступало впоследствии в конфликт с полным отсутствием мотива. И это в итоге производило эффект сломанного механизма.

Алан умел найти общий язык с каждым. Он умел нравиться. Он нравился. Всем. Хотя и был пустым местом, если убрать эту сочную, выдуманную жизнь.

Алан был гениальным автором. Автором книги без содержания.

Юлия По

*Её окна выходят во двор,
Она кричит в темноту слова:
«Есть ещё здесь хоть кто-то,
Кроме меня?»*

«Чайф»

Неизвестная раньше зараза, пришедшая из Китая, унесла её счастье. А какая была семья!

Инга вспоминала раннее детство, прогулки в парке, когда за одну руку тебя держит папа, за другую – мама и можно разбежаться и повиснуть на их руках, поджав ноги. А мама с папой приподнимут тебя над землёй, и какое-то время ты летишь, как птица.

А потом они катались на каруселях. Родители Инги не оставались за ограждением, как папы и мамы других детей. Они сидели с нею рядом. Инга любила кататься на оленье, держась за его ветвистые рога. Папа ехал обычно справа, восседая на слоне, покрытом узорчатой попоной, мама – слева, на лошадке с густой гривой. И было ощущение защищённости, когда, если вдруг норовистый олешек решит тебя сбросить, то ты всё равно не упадёшь на землю. Вправо полетишь или влево – всюду поймают тебя любящие руки...

Мама очень кашляла, и задыхалась, и мёрзла, хотя была укрыта тремя одеялами. Она хрипела, стонала и совсем не могла дышать. «Откройте окна!..» А за окном был холодный март, но Инга с папой держали окна открытыми, сами кутались в тёплые куртки с капюшонами. А потом маму забрали в больницу. Говорили о «стёклышках» в лёгких, о том, что поражено семьдесят пять процентов. Домой она уже не вернулась.

Папа сразу постарел, осунулся, ссутулился. Ещё вчера молодой и активный, он стал вдруг похож на старика. Ему всего-то сорок три года было, а шаркал ногами, как древний дед.

Он погас, потерял интерес к жизни, и его атаковали раковые клетки. Они очень быстро росли в организме, который отказывался сопротивляться. Проклятая опухоль забрала его через девять месяцев после маминых похорон.

Инга, как могла, скрашивала последние папины дни, умоляла: «Не оставляй меня одну». Но отец всё же ушёл.

Почти год Инга сидела на антидепрессантах, без лекарств она спать вообще не могла. Вела уроки, как во сне, втолковывая ученикам правила русской грамматики.

На столе в её рабочем кабинете стали появляться цветы. Тюльпаны, сирень, ландыши. Она думала, что цветы приносят ученики. Завернула им длинную речь о растениях, занесённых в «Красную книгу». Дети смотрели на неё недоумённо.

Уборщица проболталась: цветы приносит молодой историк. Она помнила этого парня: одна у них была alma mater. Вадим учился в том же универе, что и Инга, был на пару лет младше.

Она сама подошла к нему, выбрав момент, когда они остались в учительской одни. Поблагодарила за цветы. А он пригласил её в кино. С ним она стала вновь замечать смену времён года – и цветение сирени, и летний дождь, и грибное нашествие в листопадную пору.

Она начала думать о том, что у неё ещё может быть семья. И она будет печь пироги, и делать салатики по фирменным маминым рецептам. Будет читать своим детям книги из библиотеки, которую с любовью собирал папа.

И они пойдут в парк. На карусели она, Инга, займёт мамино место на лошадке с густой гривой. А на слонике с узорчатой попоной будет сидеть Вадим. А на её прежнем месте, крепко держась за оленин рога, будет сидеть совсем другая девочка. Или мальчик.

Ирина Евгеньевна Ломакина

*Я жду героя,
Я жду того,
Кто мне откроет,
Для чего
Жду я прощенья
От морей,
Чтоб плыть скорей туда, куда
Должна.*

Н. Полева/И. Кормильцев

* * *

– Посто-о-о-о-ой, говорю!!!! – рыженькая девчонка бежала за неуловимым кузнечиком, а он и не думал даже оборачиваться.

Слёзы капали из голубых глаз четырёхлетней Вари.

* * *

– Варюш, принеси мне ковш, надо наполнить самовар, скоро придут гости!

– Почему опять самовар, мам? На дворе новая реальность, а мы как дикие...

Варе 15 лет сегодня. Ковш она так и не принесла, увлеклась паутиной на уличной двери. Паутинка была одинока: хозяин куда-то спрятался. Вспомнился ей давнишний неуловимый кузнечик.

– Что вы от меня все уползаете, упрыгиваете, уходите...?! – вздох наполнился всхлипываниями.

Вот и первая любовь Варюшки был ничем не лучше – Ваня из соседнего двора. Случилась любовь недели за две до дня рождения. Ваня будто не замечал её совсем, ходил мимо и ни разу не повернулся в её сторону.

Папы у Вари не было: покинул мать после родов – надменно и безжалостно. А ей всегда не хватало друга, защитника...

– Мамочка, обними меня.

Вероника Сергеевна бросила все свои приготовления и прижала к себе свою ненаглядную.

Жизнь была у Вероники Сергеевны не из лёгких, Варю держала крепко, в ежовых рукавицах. Какие уж тут ласки? Некогда. А сегодня тоже обмякла и тоже прижалась. Обе не видели ничего, кроме трудов, забот, проблем.

– Варюш, а ковш-то где?!

– Нет его, мам, улетучился, как и все, все, все..., но я сильная, мы сильные, да, мам?

Подняла Варя ведро и налила в самовар воды.

– Что мне ковш? Я и так могу!

* * *

Сильная и уверенная в себе Варя стояла на берегу Невы.

– Ах вот ты какая, Варенька! Что ты там бормочешь, глядя вниз? – Варя обернулась, глаза её засверкали от слёз. – Ник, ты приехал!!!! Ты прие-е-ехал! Мой герой!

Молилась она о выздоровлении Никиты уже давно. Общались почти всю университетскую пору, но только онлайн, даже фотографий друг друга не видели, так им интересней было, но многое уже знали. Повела Варя ему и про кузнечиков, и паучков, даже первой своей безответной любви досталось в её воспоминаниях. Ник как-то всё по-простому успокаивал, научал.

Никита стал инвалидом в 5 лет. После пожара родного дома все выбежали, а он задержался: кузнечика спасал, которого утащил у мальчишек, пытавшихся его прихлопнуть, – да и полыхнул. Так и жил на поддерживающем лечении. А тут ожил... с Варей ожил и в свои двадцать как будто заново начал дышать полной грудью.

Сморщенные от ожогов руки сжимали её ладонь, а лицо неумело держало улыбку.

– Как долго я тебя ждала, ей Богу, всю жизнь!

Мотовилова Татьяна Александровна

*И как глупо рубить с плеча,
И как просто быть правым в речах,
И как страшно бывает начать
Всё сначала.*

«Воскресение»

И вновь... с фатальной обречённостью стучаться в закрытую дверь чьей-то Души, отчаянно веря, что тебя услышат и поймут...

И вновь... биться голым сердцем о заледеневшее в своей боли чужое сердце и, получив душевную рану, цепенеть самому от боли...

И тогда – белое становится чёрным, а чёрное – белым...

И тогда – радужная палитра чувств твоей Души приобретает Серый цвет Тоски, и ты не можешь заснуть ночью, ворочаясь в стылой пустыне постели...

И ты – уже не веришь никому и не ждёшь ничего в этом застывшем для тебя мире...

И ты «натягиваешь» опостылевшую маску внешнего благополучия и, задыхаясь в ней, как в отслужившем свой срок противогазе, идёшь ко дну в океане своей каждодневности...

И лишь поэтические строки под бешеный ритм, наполненный мощной энергетикой, драйвом, дерзостью и харизмой музыкантов, становятся твоим спасательным кругом...

И лишь тогда ты начинаешь чувствовать связь физического с душевным, постепенно оттаивая и оживая от кромешной боли-тоски звериной...

Всё имеет своё начало и свой конец...

Всё, кроме одного – Времени, которое невозможно повернуть вспять, но которое, как песок в пустыне, засыпает барханами самые глубокие душевные рубцы...

И вновь... на горизонте появляется тонкой рассветной полоской надежда на встречу со своей Судьбой, и ты, как птица Феникс, возрождаешься к новой Любви...

И вновь... твоя Душа гитарной струной вибрирует при встрече с музыкой твоего сердца, а сердце замирает от созвучных тебе слов... стихов... мыслей... И весь мир расцветает радужной палитрой чувств твоей души...

И вновь... фатальная обречённость приводит тебя к «тем» Дверям, за которыми была Бездна... Душевной боли...

И вновь...

Gus_Eva

*Ах, что будет, то и будет...
Не жалею ни о чём! Ангел мой меня разбудит,
Сердце отворит ключом...*

«Крематорий»

Когда Антон открыл конверт, его глаза округлились. Друзья пристально смотрели на него и ждали реакции.

«Скажи уже хоть что-то!» – не удержался и крикнул Сергей.

Друзья радостно заулюлюкали и ждали, пританцовывая под громкую музыку.

Наконец Антон нарушил молчание: «Да вы сумасшедшие!»

Конечно, сумасшедшие, ведь сегодня, в честь его тридцатилетнего юбилея, они подарили ему путёвку на один из островов архипелага Фиджи. Он кинулся в толпу друзей и начал их обнимать. Громко хохоча, они не устояли на ногах и свалились в кучу.

«Но это ещё не всё, – коварно ухмыльнулась Оксана. – Мы взяли путёвки и для всех нас тоже!»

Все были счастливы, обнимались, танцевали и выпивали за здоровье Антона. В комнате царил любовь, дружба и теплота. Изрядно выпив, друзья начали расходиться. Последнее, что помнил Антон, это то, как Сергей сказал ему, что нужно отдыхать, ведь уже через день им предстоит невероятное путешествие.

Спустя пару суток друзья наконец оказались на острове, о котором раньше только читали в интернете. Разместившись в отеле, они встретились с гидом, который предложил им экскурсию в заброшенное место, славившееся своими странными явлениями. Любители острых ощущений, не задумываясь, согласились.

На следующий день, рано утром, в холле отеля нас ждал наш гид Асад и его помощница Файзи. Антон осматривал её как замороженный: девушка была просто космической красоты. Она встретила взглядом с Антоном и улыбнулась своей ослепительной улыбкой, попав в самое сердце молодого парня.

Голос Сергея вывел Антона из ступора: «Эй, герой-любовник, нам пора», – парень весело пихнул друга под рёбра.

Впереди ребят ждало не самое положительное событие в их жизни, но они пока об этом не знали.

Уже несколько часов группа туристов со своими сопровождающими бродили по отелю. Сколько этажей и сколько десятков ступеней было пройдено, никто не считал, но все как один знали, что бесконечно много. Оказавшись в самом низу отеля, в подвале, так и не встретив ничего подозрительного, друзья решили двигаться назад, к исходной точке, где их должен был ждать вертолёт. Разочарованно все побрели к лестнице, но тут Оксана радостно вскрикнула: «А что, если нам попробовать подняться на лифте?»

Асад воспринял эту идею как очень плохую, ведь отель очень старый, и здесь никто не проводил никаких ремонтных работ уже очень давно. Но ребята устали настолько, что в этот момент чувство страха у них куда-то исчезло. Как это ни странно, лифт работал, вся честная компания погрузилась в него и двинулась вверх.

Антон стоял рядом с Файзи и не мог оторвать от неё глаз. Она краснела и смущалась под его влюблённым взглядом. Парень хотел взять девушку за руку, но тут лифт внезапно и сильно тряхнуло, следом погас свет. Устройство начало быстро терять высоту.

«Мы падаем!» – закричала толпа, а дальше – только крик и темнота.

Антон очнулся в больнице. Рядом пищали какие-то аппараты, а на стуле напротив дремала медсестра. Он судорожно пытался вспомнить, что же с ними произошло. С ними...

Парень попытался позвать медсестру. Она открыла глаза и подошла.

«Всё в порядке, – сказала она (на её бейджике было написано „Елена“), – с вами и вашими друзьями всё хорошо. Вам очень повезло: отделались лёгким испугом. Ваш гид Асад тоже не пострадал».

«А что с Файзи? Она в порядке?» – с тревогой в голосе спросил Антон.

Медсестра Елена удивилась вопросу и вышла из палаты. Через несколько минут вошёл врач, и Антон снова поинтересовался о судьбе Файзи. Доктор начал тихо и спокойно: «Кроме вас, ваших друзей и Асада, на экскурсии никого не было».

Увидев в глазах молодого человека панику, доктор продолжил: «Вы испытали большой стресс, я скажу Елене, чтобы дала вам успокоительное».

«Подождите, я чётко помню девушку, помощницу гида! Вы должны сказать мне, что с ней!» – закричал Антон, но медсестра уже колола лекарство.

«Я выясню, что там произошло на самом деле. Не мог же только я видеть Файзи! Мне нужно скорее встретиться с друзьями! Я разыщу эту девушку, несмотря ни на что, я знаю её один день, но уже безумно люблю!» – шептал себе под нос Антон, проваливаясь в сон.

Авдеева Кристина

*Давайте все сойдём с ума
Сегодня – ты, а завтра – я.
Давайте все сойдём с ума,
Вот это будет ерунда!*

«Агата Кристи»

9:67

Мама всегда права. И мама всегда говорит правильно. Если маму не слушать и делать, что вздумается, то будет плохо.

На всякий жизненный случай у мамы был мудрый совет: как быть, кем стать, с кем дружить, о чём мечтать.

Виталик всегда маму слушал. И слушался во всём. В человека вырос. Умного, успешного и послушного.

Вот он сейчас сидит в уютном кабинете. Вокруг него мягкие кресла, кушетки, приятно пахнущие дорогой кожей. А на двери золотится табличка с надписью: «Психолог Виталий Витальевич А.».

Личный кабинет у элитного психолога есть, а личной жизни нет. Потому, что такой исключительной женщины, как его мама, Виталий не встретил, а «жениться из-за гормонального всплеска» ему мама же и отсоветовала.

И пролетел тот месяц май. Тот самый май, когда Виталику не пригодился ни один мамин совет. А были лишь горящие глаза, манящие губы и немыслимые переплетенья рук и тел.

А потом мама вернулась из санатория и вынесла всю любовь за шкуру. В буквальном смысле. Зашла в комнату сына, откинула одеяло и вытащила сонную девушку на лестничную площадку.

Виталику помнится, что тогда он и получил главный совет в своей жизни.

Мама присела на краешек кровати, закурила сигару и, пуская сизый тягостный дым к потолку, посмотрела на часы, висевшие на стене.

– Смотри, сын, – мама сильной рукой повернула к себе заплаканное лицо Виталика от подушки, – на часах 9:30, и твоя безумная девица выносит нашу дверь, пугая соседей. Но ровно в 10:00 все твои неприятности закончатся.

– Нет! – Виталик дерзнул, лягнув мать в монументальную спину. – Это ты сумасшедшая, а она нормальная. Никогда не будет по-твоему. Неприятности не ведают точного времени.

Лёгкая улыбка, несвойственная его волевому лицу, проскользнула и исчезла в небытие.

Тогда, в 10:00, девушка ушла и более не появлялась в жизни Виталика. А все неприятности, какими бы они ни были грандиозными, к десяти часам утра обязательно рассеивались, как тяжёлый дым от маминых сигар.

А вчера... Да, это было вчера. Мама хрипела, выкашливая сгустки смертельного ужаса в белый хруст крахмальных больничных простыней.

Виталий же с нетерпением и усталой злостью ждал 10:00, поглядывая на циферблат золотых наручных часов.

Как бы ни хотелось маме жить... спину сына, покидающего больничную палату, она уже не увидела.

Психолог Виталий Витальевич А., уже в дне сегодняшнем, с нескрываемым неудовольствием, поглядывал на электронные часы, висевшие над дверным проёмом кабинета.

Зелёные отблески диодов замерли в позиции 9:30. Безумно болела голова, а бесконечно нудный клиент гудел про тоску и безысходность.

– ...нет, она не была сумасшедшей, – клиент – мужчина средних лет, лощёный, богатый и самоуверенный, сидел напротив психолога, упрямо и твёрдо смотрел ему в глаза. – Но она говорила настолько правильные слова, что я сам себе казался неправильным и сумасшедшим.

– Что же говорила вам ваша мать? – Виталий замер золотым пером чернильной ручки над слепящей белизной блокнотного листа. – В детстве кроются все проблемы, пове...

– Не в детстве, Виталий Витальевич, вчера, – клиент смахнул невидимую пылинку с острия заглаженных брюк. – Мать пришла в мой офис и стала говорить, что времени не существует. Есть только ничего. Пустота.

– А вы?

Виталий мельком глянул на золотые стрелки, скользившие по циферблату на запястье: 9:59. Ещё минута – и все неприятности закончатся сами собой.

– А я ждал, пока настанет 10:00 – и все неприятности закончатся сами собой, – клиент прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла. – Всегда так было.

– Всегда так было, – эхом откликнулся Виталий. – И что?

– А 10:00 не наступило, – клиент протянул психологу руку, на которой сине-мертвенным бликом из-под манжета выполз платиновый кругляш циферблата. – Смотрите сами: 9:67. А потом будет 9:68. И так до полуночи.

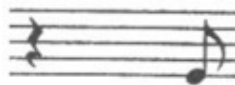
– Бред, ерунда, сумасшествие. У вас часы неправильные, – Виталий вытянул свою руку с часами в направлении клиента. – Вот: 9:67. Чёрт!

Взгляд Виталика заметался по кабинету, ловя показания часов, в большом количестве находившихся в нём.

И электронные табло, и циферблаты – все показывали 9:67... 9:68... 9:69...

– Виталий Витальевич, вы не сошли с ума, – клиент достал из кармана толстенную сигару, сбросил золотое колечко обёртки и специальными щипчиками откусил кончик, зажигалкой в платиновом корпусе поджёг табачную дирижаблеобразную скрутку, выпустил струю тягучего сизого дыма, – мама всегда права: ничего нет. Есть только пустота...

Оксана Царькова

*Но если есть в кармане пачка сигарет,
Значит всё не так уж плохо на сегодняшний день...
И билет на самолёт с серебристым крылом,
Что, взлетая, оставляет земле лишь тень.*

«Кино»

Было у меня два друга, вроде совсем разные, а оба невезучие. Шкодил всегда только один, а доставалось всем троим. Их будто бы судьба свела, она же нашу троицу и разлучила.

Вот хотелось ли тебе в детстве, в пору школьных каникул, в самый разгар лета, заниматься учёбой? Уверен, что не хотелось от слова «совсем». А Фёдор в свои девять души не чаял в уроках музыки, учась играть на скрипке и регулярно одаривая благодарных слушателей в лице родителей, а бывало, что и неблагодарных – в лице соседей, гаммами, а порой и сонетами. В пору летних каникул «невероятная удача» насладиться Фединой игрой на скрипке выпадала дедушке с бабушкой. От последней он и унаследовал страсть и любовь, к девяти годам – безответную, к музыке.

Наверное, по-другому и быть не могло: его судьба, родившегося в семье интеллигентов (дед – профессор философии, бабушка – пианистка, отец – архитектор, мать – журналист), была предопределена с рождения.

Будущий претендент на лавры Никколо Паганини в детстве напоминал мечту любого задиры. Его внешность представляла собой буквально «комбо» для нелестных эпитетов: субтильный, с огненно-рыжими волосами и россыпью веснушек на болезненно-белом лице, картину дополняли очки в роговой оправе, пластинка для исправления прикуса да ещё в придачу под мышкой – кофр со скрипкой.

В тот погожий июньский день путь Феде с очередного урока музыки пролегал через двор, в центре которого росло раскидистое дерево старой черешни. Решив совместить приятное с полезным, он остановился под кроной дерева на миг – перевести дух, воровато оглядывая листву в поисках спелых ягод. С нижних веток ягоды срывали ещё зелёными, в то время как верхние могли покориться только самым отчаянным скалолазам, в число которых Федя не входил.

Несмотря на отсутствие ветра, листва над головой Феде зашуршала, и через мгновение он почувствовал лёгкий удар в затылок, за которым неминуемо последовал ещё один. Пока Федя, прищурившись, пытался рассмотреть обидчика, ветки черешни затрещали, и сверху на него, чертыхаясь и «ойкая», обрушилось что-то чумазое, растрёпанное, босоное, с копной белых, словно лён, волос, торчащих во все стороны, кончики прядей которых были багровыми от сока ягод.

Федя, не мигая, смотрел на свалившегося на него незнакомца, про себя отметив, что глаза у него разного цвета – голубой и серый.

Будучи отнюдь не робкого десятка, незнакомец прервал неловкую паузу первым, выпалив:

– Чё пялишься, рыжий?! Ну, чего застыл?!

– Ты коленку разбил. Дома влетит? – Федя кивнул на колено мальчика, из которого струйкой сочилась кровь.

– Пф-ф-ф-ф, ещё чего? Я себе сам хозяин, ругаться некому, – отмахнулся от Федя чумазий.

– Возьми, приложи к ране, – Федя заботливо протянул ему платок. – Меня Федя зовут, а ты?

– Кеша, и мне уже пора. Бывай, рыжий, – засмеявшись и схватив платок, протараторил чумазий и было бросился наутёк, но, споткнувшись о кофр скрипки, рухнул в траву.

С того дня Кеша, я и мой друг и коллега по несчастью в виде музыкальной школы Федя стали неразлучны.

Кеша, хоть он был и совсем из другого теста: задира, первый участник любой драки, – влился в наш с Федей тандем, как будто мы дружили с рождения.

При этом Кеша каким-то образом умел совмещать в себе невезучесть в её высшей степени и способность в последнюю минуту увернуться от мчащегося на него поезда, иногда – в буквальном смысле, когда, будучи подростками, мы катались на поездах «зайцами».

В моменты, когда получалось выпутаться из проблем, в которые Кеша нас же и втягивал с неизменным постоянством, он всегда начинал хохотать и кричал: «Живём, братцы! Будем жить!»

Так продолжалось ещё 15 лет. Но, повзрослев, Кеша не утратил чувство авантюризма и, даже узнав про четвёртую стадию, всё равно остался верен своему девизу: «Живём, братцы».

В нашу последнюю встречу в хосписе он, похожий на собственную тень, всё так же улыбувшись и прищулив разного цвета глаза, сказал: «Живите, братцы».

Встречаясь с Кешей в том месте, где можно услышать свои мысли, мы с Федей непременно говорим: «Ну как ты, братец? Живём, родной...»

Юлия Климова

*Мы как трепетные птицы,
Мы как свечи на ветру.
Дивный сон ещё нам снится,
Да развеется к утру.*

«Пикник»

Она сказала мне:

– У меня есть муж и есть сын. Я не хочу больше влюбляться.

Я спросила:

– Почему? Разве влюблённость – это плохо?

Она ответила:

– Плохо. Иногда невыносимо плохо. Эти бессонные ночи, эти бесконечные ожидания коротких встреч. Эта иллюзия счастья и того, что вся жизнь укладывается в одну ночь, что за неё можно отдать всё, а потом опустошённой и несчастной брести по долгой жизни, обманывая всех фазой: «Я ни о чём не жалею». Влюблённость – это очень плохо.

Я смотрела на эту красивую, обеспеченную, уверенную в себе (даже более чем уверенную – самоуверенную) молодую женщину и верила в её правду. И всё же задала ей ещё один вопрос:

– А ты проходила сама через этот трепет сердец, через эту бешеную страсть, через волшебство и сладость этих встреч?

Она улыбнулась мне в ответ:

– Да! Мне повезло, что это было у меня с моим будущим мужем. Это достаточно пережить один раз в жизни. Для меня это так.

А я-то что? Я с ней полностью согласна. Жаль только, что не смогла контролировать очередную влюблённость в себе, когда случайно встретила её мужа...

Сергей Анатольевич Доброеутро

*Немного огня – середина пути.
Немного огня тебя может спасти
В блеске обмана...*

«Пикник»

Она стояла посреди гудящей толпы большого железнодорожного вокзала и с грустью думала о том, что прошёл ещё один её день – Татьянин. Она всегда ждала в этот день какого-то чуда, но каждый год день проходил буднично и незаметно. Вот и сегодня она, как обычно, возвращалась домой. Правда, билет пришлось взять на ночной поезд, так как на вечерний она опоздала...

Он заметил её, как только вошёл в здание вокзала: она отрешённо стояла около колонны, и, казалось, что её окружает прозрачная непроницаемая стена: люди как бы обтекали её. Ему тут же захотелось проникнуть за эту стену и так же отрешиться от действительности, которая вечно преподносит мелкие гадости (а иногда и весьма крупные!). Вот и сегодня ему забыли заказать обратный билет из командировки, и теперь он вынужден не наблюдать за странной незнакомкой, а нестись в кассу за билетом, чтобы успеть хотя бы на ночной поезд...

Она обрадовалась, что в купе не было попутчиков: можно не надевать «маску», а побыть собой. Поезд тронулся, за окнами проплыли привокзальные огни.

Она смотрела на крупные хлопья снега, слушала перестук колёс и мысленно представляла, как распахнётся дверь купе и появится Он... Ей всегда казалось, что Его она встретит непременно в Татьянин день (что-то чудо случайной встречи затянулось даже не на годы, а на десятилетия). Ехать надо было три часа, в купе было тепло и уютно (поезд был фирменным), и, похоже, она задремала...

Он заскочил в вагон почти одновременно с тем, как тронулся поезд, показал билет проводнику и, выяснив в каком вагоне ресторан, направился туда подкрепиться: в сутолоке дня не успел пообедать. Он сидел в вагоне-ресторане, смотрел в окно на пролетающие огни полустанков и всё время возвращался к образу странной женщины на вокзале. Было в ней что-то неуловимо близкое, созвучное ему, он не мог объяснить себе, что именно привлекало в ней. Может, то, что от неё веяло душевным покоем, а может, он просто устал и хотел побыстрее добраться до купе, где можно наконец забыться под колыбельную колёс.

Он осторожно открыл дверь купе. Не хотелось никого тревожить, да и говорить дежурные фразы попутчикам тоже не хотелось... Появление средневекового мага его удивило бы меньше! У окна, неловко поджав под себя ноги, дремала странная незнакомка с вокзала! Он тихо присел напротив и окунулся в уютный покой, который просто изливала вокруг себя эта удивительная женщина...

...Перестук колёс перемежался с ахматовскими строками:

...и мне показалось, что это огни
со мною летят до рассвета,
и я не дозналась, какого они,
глаза эти странные, цвета.
и всё трепетало и пело вокруг,
и я не узнала: ты враг или друг,
зима это или лето...

Ей грезилось, что напротив сидит Тот Единственный, которого она так долго ждала. Ему не надо было ничего объяснять... Его глаза лучились теплом и пониманием...

Резко взвизгнули двери купе, и проводник громко назвал её станцию. Она, вздрогнув, открыла глаза и напротив увидела Его...

– Добрый вечер!

Широко раскрытыми (такими родными!) глазами она заворожённо уставилась на него...

Он вежливо помог ей надеть полшубок...

– Счастливого пути!

Gus_Eva

***

– Странно, – сказала Марина, – две песни подряд, и обе – «Пикник».

– Случайный выбор непредсказуем, – констатировал я. – Но в этой подборке «Пикника» много. Я очень люблю эту группу. А ты?

– Очень. Я, когда голос Шклярского слышу, мне просто на колени хочется встать и молиться на него. Он на меня действует, как удав на кролика. И о чём он поёт, совершенно не важно. Мечтаю попасть на его концерт.

– Я был на их концерте. Недаром эту группу называют культовой, совершенно недаром. Шклярский реально создаёт культ. И поклонников его культа – море. ВТБ-арена битком была. Ни одного свободного места.

– Прямо завидую.

– После ВТБ-Арены они выступали в «Крокусе» с симфоническим оркестром. Хотел и туда сходить, но почему-то передумал, и слава богу. Уберёг от теракта. Бог, или случай, или жадность, не знаю. Билеты-то недешёвые...

– Давайте помолчим, – остановила меня Марина, то ли не желая вспоминать и говорить о теракте, то ли потому, что начинала звучать новая песня.

Да, она так и сказала:

– Люблю эту песню, потому что моя лучшая песня тоже ещё впереди.

*Моя лучшая песня ещё впереди.
Моё светлое завтра ещё подождёт.
Моё время придёт вот, вот, вот, вот
И я видел сто раз всё наперёд.*

«7Б»

Исписанный вручную лист выпал из книги, купленной на книжном базаре. Продавец отказался от него, сказав, что не знает бывшего хозяина книги и письмо или записку отдавать некому. Знаменитая «Невыносимая лёгкость бытия» Милана Кундеры была одной из его любимых книг в отличие от экранизации романа, которую он считал неудачной. А это был незнакомый для него сборник новелл «Смешные любви», и он с удовольствием приобрёл его в свою библиотеку...

* * *

Осенняя вода стеклит взгляд дороги. Иллюзии ждущих чудес укрыты туманом забытья. Вслед за трепетом сердца падаешь в бездну забытых воспоминаний, где спрятано начало всех концов, где можно застрять в конце всех начал...

Оглядываясь назад, больно укалываться о память. От царапин воспоминаний хочется бежать. Свежий ветер рушит песочные замки надежд, и на руинах рождается ожидание чуда. Увидеть смешинки в твоих глазах, коснуться колючести твоей щеки, дыханием обнять тебя...

Договориться с судьбой стать тенью твоего ангела-хранителя, но опоздать на час... или день... или год... А судьба такое не прощает. Успеть лишь дотронуться кончиками пальцев до вздоха твоего. Прости за опоздавшую жизнь мою. Все силы готова отдать, чтобы жил ты в здравии и радости, чтоб сны твои были добрыми, мысли – светлыми, счастье – улыбчивым...

Будь! Ты только будь!

* * *

Он вчитывался в текст и никак не мог понять, что в нём его зацепило. Перечитав его перед сном, долго ворочался в постели, а ночью ему приснился странный сон.

Вокзальное кафе с прилепившимся осенним листом на окне и ввалившаяся в него весёлая компания промокших молодых людей. Томную музыку ресторанного шансона резко перекрыла ритмичная рок-музыка. Молодые люди шумно устраивались на свободные места, а от компании отделилась девушка и попросила разрешения подсесть за его столик, так как кафе из-за дождя было переполнено. Она заказала капучино и уставилась в окно, едва сдерживая слёзы. Он спросил, не может ли он чем-нибудь ей помочь, но от взгляда, полного боли, проснулся и долго не мог понять, реальность это или сон...

Исписанный лист он вложил в ту же книгу, так и не решив, что с ним делать... Неделя пролетела незаметно, а на выходные он обещал съездить на дачу к другу. Чтобы в электричке не скучать, он взял с собой книгу. Напротив сидела девушка, уставившись в окно. Он вспомнил сон и не решился обратиться к ней. Они вышли на одной и той же станции и направилась

в одну и ту же сторону, подошли к одному и тому же дому. Оказалось, что это – знакомая жены его друга. А друг, когда они разводили огонь в мангале, предупредил, чтобы он не удивлялся и не пытался развеселить их гостью, так как она год назад потеряла своего парня в автокатастрофе...

Возвращались в город вместе. Ожидая электричку, зашли в вокзальное кафе. Прилипший к оконному стеклу лист вновь напомнил ему о сне. Она была молчалива, пока он не достал книгу. У неё удивлённо взлетели брови, и она попросила посмотреть её. А когда, раскрыв книгу, увидела исписанный лист, разрыдалась... Позже, успокоившись, она рассказала ему, что это – любимая книга её друга, и она вложила своё послание в неё после трагедии... для него...

Как книга оказалась на книжном базаре, для них теперь было неважно... Началом всех концов закольцована память концом всех начал...

Gus_Eva

*Я не люблю, когда мне врут, но от правды я тоже устал,
Я пытался найти приют, говорит, что плохо искал.
И я не знаю, каков процент сумасшедших на данный час,
Но, если верить глазам и ушам, – больше в несколько раз...*

«Кино»

Осенний дождь шёл под крышей неба, а бабка Люся, не оглядываясь по сторонам, ковыляла вдоль забора. Только изредка вытягивала голову, пыталась заглянуть поверх колючих стеблей, оплетающих ровные доски или, на худой конец, между ними. Но в заборе не было прорех. Он глухо охранял свои тайны от тех, кто хотел за него заглянуть.

А дело было в пышущей от удовольствия Славке, что не так давно зашла в калитку дома и вот уже полчаса как не выходила. Она долго собиралась, укладывала локоны на разные проборы, то вправо, то влево, которые, по правде если, не отличались густотой. А бабка Люся наблюдала за ней и недоумевала, что же случилось у Славки, что она так прихорашивается.

А оказывается, вот как. Ушла за забор и не выходит. Не выгоняют её. Давно за домом закрепилась нехорошая слава. То говорили, что сосед, который из города приехал, сидел долго то ли за убийство, то ли за грабёж. И так он привык одному быть, что не выносит общества и разговоров. Не перекинется с соседями и словом. Не расскажет, как ветер нынче разошёлся или жара на дух не переносится. Не расскажет и об огурцах, что давно просятся в банки на засолку. Давно уж в бочки не солят. Молодёжь по новым рецептам совсем скоро старух слушать не будет. Интернет везде.

То ходили байки, что сбежал сосед из другой страны, где он денег задолжал. Да так задолжал, что порешить его решили. Вот теперь и сидит в своём дворе, скрывается ото всех. А Славка девка ещё и не мыслит, что бывает и что ребёночки рождаются от разговоров и походов по гостям.

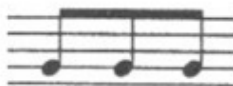
Мамка-то не вразумит кровиночку, совсем домой не приходит. Со своим новым ухажёром жизнь устраивает. Там и машина дорогая, и потолки новые, которые красить не нужно. Вроде рядом, а будто на другой стороне жизни живёт. Придёт, носом покрутит. Вещи, продукты оставит, посидит, как неродная, у порога – и обратно.

Смотри да смотри за молодыми. Когда успели сговориться? Телефон забирала, со двора не пускала, по надобности только. И всё равно успели дорожки пересечься.

Бабка Люся причитала, вокруг забора ходила, да не выходила. Славка сама вышла. С улыбкой на губах и застывшим восторгом в карих глазах. Не заметила ни бабку, что ей кричала, остановить пытаясь да расспросить, ни соседей, что к этому времени уже в окна заглядывали да возле своих калиток околачивались. Прошла мимо – и была такова.

Так я сидела на скамейке в парке, смотрела на парочку молодых влюблённых напротив и вспоминала бабушку Люсю и её рассказ про соседа и мою давнюю подругу Славу... И так тепло на душе сделалось. Вроде и нет давно бабки, а тепло ощущается. А Слава замуж рано вышла, детей родила, двойняшек, скоро в школу пойдут, и муж её любит...

Наталья Ясницкая

*Вот не повезло:
Ты упала в мир.
До твоей звезды
Миллионы миль.
Миллионы миль,
А этот мир чужой,
Это мир людей,
Притворись своей!*

«Агата Кристи»

Она часто задумывалась: какая же фея и почему не пришла к ней, когда она родилась? Вроде бы личико миленькое: глазки голубые, весёлые, брови как нарисованные, чёрные, густые ресницы. Улыбка обаятельная, ямочки на щеках, придающие особый шарм. Слегка неправильный прикус создаёт милоту. Русые кудряшки всем нравятся.

Заразительный смех, манера общения и разговора привлекают внимание.

Но... Какая же фея не пришла к ней в её день рождения?... Все люди как люди. А у неё левая ручка на восемь сантиметров короче правой.

Однако не только фея забыла к ней прийти, мать и отец «забыли забрать» её из роддома. Хорошо, сестра отца оказалась порядочной, сердобольной, бесконечно доброй: удочерила малышку.

Конечно, она называет её мамой. Лучшей мамы на свете не сыскать. Сколько сил, времени, средств потратили приёмные мама и папа на медиков, пытаясь решить проблему с ручкой.

Наконец один известный врач, светило, посоветовал:

– Пока ещё наука не достигла высот в данном вопросе. Не то время. Эх, родилась бы попозже. Наверное, всё исправили бы. Советую адаптировать девочку к жизни: учите маскировать руку свободной одеждой, носить на плече сумку и держать на ней руку, выберите для неё профессии, не связанные с физическим трудом.

С детства её учили языкам... Французский, немецкий, английский, итальянский... Как ни странно, легко дались арабский и японский.

Она любила музыку, окончила музыкальную школу, играла на флейте и хорошо пела.

Благодаря родителям, помимо языков, выучилась на юриста и экономиста. Имея способности к языкам, могла бы свободно работать переводчиком или устроиться где-то за рубежом.

Но короткая ручка ограничивала многие возможности, плюс девушка никак не могла побороть в себе заиканность на физическом недостатке.

Она с подругой часто ходила в ночной клуб, любила слушать живую музыку. Одноклассник, который выступал с группой музыкантов, приглашал её исполнить какую-либо композицию, зная красивый, немного хрипловатый сильный голос и способность увлечь публику.

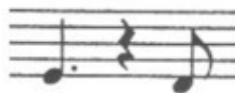
В клубе девушки познакомились с молодым мужчиной, который стал ухаживать за ними. Приятельница рассказала новому знакомому, когда он восторгался голосом певицы, о её проблеме.

Мужчина воскликнул: «Беру её с руками, ногами, языками. У нашей фирмы много контрактов с другими странами. Мы и мечтать не могли, чтобы получить настолько уникального сотрудника, сведущего и в юриспруденции, и в экономике!»

– А рука, она же не будет подписывать ею ничего, – добавил он, – свободная одежда скроет. Будем надеяться, наступит час, когда медики научатся наращивать кости. Я потрясён пением девушки. Уникальная личность, редкость.

«Ну и что, раз рука такая, – подумала она. – И с таким недостатком прорвусь в жизни благодаря родителям и хорошим людям на своём пути. Видимо, не фея не пришла, а я поспешила родиться».

Ирина Ширяева

*Всё, что осень нагадала,
Не сбылось, ты так и знай.
Колыбель в ночи качалась:
Для тебя – забава, мне же — через край...
Мне же через край, через край...*

«Калинов Мост»

В маленьком городе жизнь течёт неспешно. Все друг друга знают. Девчонки мечтают о принцах. И однажды принцы приезжают в провинцию. С концертом. Толпы девчонок визжат от восторга, караулят музыкантов у гостиницы, лезут через ограждение стадиона, оттесняя охранников.

Она не лезла. Она – не толпа. Она вообще – дочь мэра. В музыкалку со скрипочкой, в библиотеку, на бальные танцы и в художественную школу – вот и все её дороги.

Подружка такая же – не от мира сего. Заслуженная золотая медаль.

Первый поцелуй на рассвете – в день выпускного. Парень давно её любил, ей же просто было интересно, как это бывает. Получилось слюняво, пошло и противно. Потому что чувств с её стороны – ноль. Только любопытство.

Неожиданно для всех осталась в родном городке. Закончила медучилище, потому что университетов в городке не было. А дома – ежедневная практика. Лежащая больная, бабушка. Сиделку нанимали только на те часы, пока девушка училась. Это была не жертва, это была

любовь. Бабушка умерла, а у внучки жизнь по-прежнему была несовременной. Дорожки – в библиотеку и в парк с мольбертом. Рисовать по-прежнему любила.

А его группу она слушала. Восхищалась. Но знакомиться не стремилась. Папа принёс ей билет в первом ряду. Подарила цветы. Солист группы заметил её со сцены – хорошенькая, но грустная. И несовременная какая-то. Платице в цветочек, не хватает только белых носочков, чтобы совсем уж ретро.

На следующий день он «замаскировался»: надел обычные джинсы вместо обожаемых белых брюк, солнечные очки с тёмными стёклами. И пошёл гулять по городу один. Зашёл в кафе выпить кофе. А за столиком – она. Одна. Перекинулись парой слов. Он снял очки.

Она поразились тому, какого необычного цвета у него глаза. Жёлтые! Янтарно-медового оттенка, с небольшими вкраплениями коричневого и зелёного. Она никогда не видела таких глаз у людей. Только у кошек.

Выпила кофе, встала и ушла. Парень вышел за ней, хотел проводить. Она сбежала – прыгнула в подъехавший автобус, тот быстро закрыл двери. Испугалась собственных чувств. Кто он? Звезда. А она? Медсестра из провинциальной больницы.

На следующий день у неё был выходной. И она рисовала в парке золотую осень. Он подошёл со спины: «Как здорово у вас получается... Не с фотографической точностью, а с душой. Лучше, чем в натуре. Личное отношение чувствуется, грусть о том, что скоро вся эта красота опадёт, а впереди зима».

А вечером она вновь пошла на их концерт. Потом они долго гуляли в парке. И целовались до самозабвения. А ночью ей снились его кошачьи глаза.

Он предложил ей поехать с ним на гастроли. Она упростила больничное начальство уволить её без двухнедельной отработки. А дальше был Витебск. И она ощущала себя парящей над городом в стиле Шагала.

И были три месяца счастья. А потом его кошачьи глаза остыли, уже не светились при взгляде на неё. Её стремление устроить кочевой быт не ценилось, отношения тяготили. Она спросила напрямую: «Ты хочешь, чтобы я уехала?» Его молчание было весьма красноречиво.

Вернулась домой, работала в больнице. Была счастлива, узнав, что беременна. Ему ничего не стала сообщать. А зачем? Если она ему не нужна, то ребёнок не нужен тем более. Зачем вставлять палки в колёса тому, кого она любит?

Дочь унаследовала его кошачьи глаза. И с колыбели не агукала, а пела. Она пела на всех концертах в детском садике и в школе, выигрывала городские и областные конкурсы.

А потом сказала матери, что поедет в Москву, на шоу «Голос». Мать даже вздрогнула, узнав, какую именно песню девочка выбрала для отборочного тура. Её пел когда-то её отец. Давно, на излёте прошлого века. Девочке очень хотелось пройти отбор, чтобы заявить о себе. Её маме хотелось, чтобы Он услышал девочку. Лучше всего, конечно, чтобы он был в жюри. Ну, или пусть хотя бы в зрительном зале сидит.

Да пусть хотя бы и по телевизору...

Ирина Евгеньевна Ломакина

Где блуждают вокруг да около,

*Называя жабу соколом —
веры на пятак.
Где согласных на «и краткое»,
Превращают острым в гладкое,
ставлю «твёрдый знак».*

«Алиса»

Конец 60-х и начало 70-х двадцатого столетия... Обострение советско-китайских отношений... Государственная программа усиления укрепрайонов на Дальнем Востоке... Среди сопок в падах (долинах между сопок) разбросаны отдельные батальоны Дальневосточного военного округа... Типичная картина: две казармы, столовая, пара деревянных двухэтажных домов для семей офицеров... Вода – на водовозке... Свет – в керосиновой лампе... Тепло – в печке...

По будням старенький зилковский автобус возит в школу стайку ребят 8—14 лет в ближайшее село. Автобус часто ломается, и домой ребятам приходится добираться пешком или на попутном транспорте – от уазика до бэтээра... Весело и познавательно! Хуже, когда идти приходится пешком... Путь – неблизкий, скучный, но выручают игры... Самая подходящая и любимая – казаки-разбойники! Вот где раздолье прятаться! Вдоль дороги достаточно разросшихся кустарников, разнотравье – по пояс, а чуть дальше – заброшенные и обновляемые доты (ДОТ – долговременная огневая точка, отдельное малое капитальное фортификационное сооружение из монолитного или сборного железобетона, камня на растворе, железных балок с арматурой и броневых закрытий).

Осенний день был солнечным и ветреным... Спрятавшихся «разбойников» – Валерку и Сашку – искали все вместе: и «казаки», и найденные «разбойники»... Потом присоединились родители и солдаты...

В первый день тревожно возмущались и ругали ребят за безответственность и баловство... На второй – привезли разыскных овчарок... Мальчишки хмурились... Девчонки всхлипывали...

Их нашли ближе к вечеру... Закат был кроваво-красным... Сашка был без сознания: много крови потерял, хотя Валерка и пытался перетянуть ему руку, но была задета артерия. Он никак не мог вспомнить, что случилось, почему дверь дота захлопнулась, а Сашка пытался её удержать...

Родители Сашки были вольнонаёмными: мама работала в столовой, а отец – в автопарке. Ребят на похоронах Сашки не было... Но с тех пор никто из них никогда не играл в казаки-разбойники...

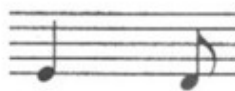
* * *

Весёлой игры в
казаки-разбойники
горькая память...

* * *

Заигравшиеся взрослые не помнят горечь детских слёз...

Gus_Eva

*Я сотру следы на камне —
Их тебе не отыскать.
И снова то, что есть, останется с тобой,
И то, что будет...
Всё оставляю я тебе на счастье.*

Настя Полева

– Мам, мама, ты идёшь или нет? Ну где ты? Сколько тебя ждать? – Лёля стояла, подпрыгивая у двери, и не могла понять, почему мама не может быстро собраться и пойти на Солнцеворот.

Ярко-красными буквами о событии писали на стендах, плакатах. А в сетях – в картинках и фото. По телевизору мелькали репортажи. На праздник съезжаются со всех ближайших районов. Будут представления коллективов.

А Лёля уже месяц представляла, как она, в голубом коротком сарафане, будет приплясывать под песни и частушки. Девушки и парни в ярких народных костюмах из выступающих коллективов будут ходить в перерывах между выступлениями, предлагать купить у них заколки или какие-нибудь детские игрушки. Но, главное, с ними можно будет сфотографироваться! А потом показывать фотки Людке и Польке. А Глашка пусть обзавидуется. У неё мамка на смене будет и велела никуда не ходить. Вот и пусть порадуется, как другие гуляют.

– Ну мам, ты соберёшься сегодня или нет? – прошло уже несколько минут. – Отчего так долго копаешься?

Так бухтела Леля и представляла, как купит воздушной сахарной ваты, что на языке таять будет, а ещё – большой сладкий леденец. Наверняка его будут продавать. Не может же быть, что его не будет. На прошлой ярмарке был, когда масленицу организовали, потом еще на празднике Купалы. И сейчас наверняка будет. Леденцы всегда спросом пользуются.

Хоть и не маленькая уже, но хочется и детство вспомнить. Вот с родителями, когда гуляли перед Новым годом, на коньках катались, потом на горках, ещё чай пили. Леденцов, правда, не было. Не в тот раз. Да, в другой.

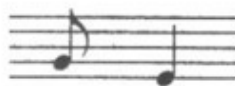
А был уже отец, нет? Вроде не было. Тогда с мамой пошли, ёлка большая, в три обхвата, люди кругом становились, за руки держались и Снегурочку звали или деда Мороза, не важно. Но отца уже не было, и мама улыбалась, и меня за руки держала, а сама нет-нет – да рукавом по лицу проводила. «Как так? – думала я. – Зачем лицо тереть, если ничего на нём и нет?»

Это потом поняла уже, что слёзы – не аллергия, а папа не по работе уехал.

А может, и Митька придёт. Он высокий, и его легко увидеть. Выше, чем наши задохлики, что рядом за партами сидят да за косу дёргают. Они и не знают, что не дёргать нужно, а другое. Целовать, например. Как же, целовать! Дождёшься от них. А вот Митька... Он такой, такой. Взрослый, да. Школу закончил и в городе учится. На праздники приезжает. Тепло от него, жарко, как он папы...

– Мам, ты готова? Всё, идём быстрее, а то опоздаем...

Наталья Ясницкая

*Стою в раздумье над прошедшим днём,
Как в ожиданье радости неспетой,
Как будто луч грядущего рассвета
Меня коснулся ласковым огнём.*

«Воскресение»

– А я говорила, что не нужно на машине ехать, всю ночь за рулём. Первый паром только в шесть утра, – в голосе Марины звенели тревожные нотки.

– Ложись спать, через несколько часов увидимся, – Кирилл щурил сонные глаза, но руки продолжали сжимать руль.

– Очень жду тебя, не смогу уснуть, наверное. Сегодня за ягодой ходила, будем чай пить с калитками с брусникой и морошкой, когда приедешь, – напряжённый голос Марины приглушённым эхом звучал в салоне автомобиля.

– Навигатор сбоит, не пойму, куда заехал. Люблю, будущая жена. Скоро увидимся, – Кирилл начал ослаблять правую ногу, выжимавшую газ до предела, ожидая ответ Марины, но на весь салон прозвучал голос услужливого робота: «Извините, связь прервалась».

– Вы ушли с маршрута, – вторил навигатор.

– Да вы сговорились, что ли? – Кирилл раздражённо закричал, часы на приборной панели оповещали о наступлении трёх часов ночи.

Впервые встретив Марину, Кирилл точно знал, что она – та самая, с которой он готов прожить до седых волос и глубоких морщин. Волосы цвета льна, васильковые глаза, забавные веснушки цвета спелой ржи. Она была из редкой категории людей, одарённых не только внешней, но и внутренней красотой. Родители Марины были людьми консервативными, свято чтящими семейные традиции. Поэтому Кирилл вслед за Мариной, которая уехала домой на поезде, закончив рабочие дела, отправился в Карелию – просить руки Марины у её родителей.

Родина Марины Карелия встретила Кирилла враждебно: то и дело либо отключался навигатор, либо направлял путника в обратную сторону, исчезала мобильная связь. Кирилл начал было сетовать, что не догадался взять с собой карту и старый дедушкин компас, которые, в отличие от электронных гаджетов, всегда при поиске пути работали безотказно, как вдруг заметил, что асфальт под колесами закончился, а автомобиль заехал в непроглядную чащу.

– Ерунда какая-то! Никакого леса тут быть не должно! – руки ударили по рулю, и в этот миг фары осветили тёмный силуэт, мелькнувший перед капотом и скрывшийся в густой листве.

Пытаясь уйти от столкновения, Кирилл выкрутил руль влево и тут же почувствовал жёсткий удар в лицо выстрелившей, словно боксёрская перчатка, подушки безопасности.

Машина, врезавшись в раскидистую ель, остановилась. Кирилл, побарахтавшись, освободился от пленивших его подушек и вышел в непроглядную темноту.

– Эх, спасибо тебе, лось или олень! – прокричал Кирилл в темноту и начал просчитывать план дальнейших действий.

На машине дальше – никак, телефон предательски оповещал об отсутствии связи с миром. По расчётам Кирилла, до паромной переправы оставалось ехать минут сорок – значит и пешком вполне можно осилить путь до цивилизации, а там и до посёлка Марины – рукой подать. А потом они будут пить ароматный чай с калитками с терпкой начинкой из местных

ягод. Кирилл, сглотнув слюну, решительно ринулся в салон автомобиля за своим нехитрым скарбом.

Собрав в маленькую сумку вещи первой необходимости, Кирилл закрыл машину и двинулся в путь по дороге сквозь молчаливый, ночной хвойный лес.

Фонарик в телефоне тускло освещал путнику дорогу. Подбадриваясь мыслями о скорой встрече с Мариной, Кирилл насвистывал себе под нос, пока глаза не выхватили из темноты фигуру, неспешно идущую впереди.

В нескольких метрах перед собой Кирилл заметил старика. В голове начали роиться мысли, футболка прилипла к спине, вязкий, липкий ужас охватил Кирилла, заставляя чувствовать себя слабым и беспомощным.

– Весьма странное время вы выбрали для прогулки, юноша. Однако, если нуждаетесь в попутчике, могу составить вам компанию, – старик, обернувшись, обратился к оцепеневшему Кириллу.

Кирилл, рассматривая незнакомца, отметил про себя его странную, даже старомодную одежду, словно из другой эпохи. Старик был облачён в потрёпанный костюм-тройку. Когда-то роскошный и элегантный, его синий пиджак был покрыт пятнами и заплатками, из кармана на клетчатом, изношенном жилете выглядывали часы с длинной, потемневшей от времени золотистой цепочкой. Высохшей рукой, покрытой кожей, словно сморщенная пергаментная бумага, он сжимал увесистый набалдашник в форме головы пса, венчавший резную трость. Старик щурил выцветшие, блёклые глаза, стараясь через пенсне, впившееся в переносицу, рассмотреть онемевшего Кирилла.

– Паром, переправа, – проглотив подкативший к горлу ком, протараторил Кирилл.

– Тогда нам по пути, юноша. Разумеется, если вы не против. Меньше часа в пути – и будем у парома, а там я вас и переправлю. Сколько себя помню, работаю на пароме, – высохшие губы старика растянулись в улыбке, глаза лучились теплом и добротой.

В сопровождении старика Кирилл добрался до паромной переправы к моменту, когда поблёкшие звёзды на небе начал сменять занимающийся рассвет. Подставив лицо тёплым лучам солнца, Кирилл, шурясь, стоял на берегу реки в ожидании скорой встречи с Мариной. Бегло взглянув на телефон, Кирилл с удивлением отметил про себя, что связи по-прежнему не было.

– Даже не спросил, как зовут моего спасителя. Благодарю от всей души, – Кирилл, улыбаясь, обратился к старику.

– Харон, юноша. Оплата за переправу – две монеты. Когда будете готовы, можем отправляться, – глаза старика по-прежнему лучились добротой.

В висках у Кирилла застучало, звон в ушах перекрыл шум бурной реки, холодный, липкий страх вновь обволакивал его, заставив зажмуриться.

– Думается мне, что рано вам переправляться, юноша. Не пришёл ещё ваш час, – улыбнулся старик.

– Кирилл! – сквозь звон в ушах парень услышал приглушённый крик Марины, пробивающийся через вязкую, тягучую пелену, опутавшую его.

Открыв глаза, Кирилл увидел любимые васильковые глаза, распухшие от слёз, и себя, загипсованного, словно египетский фараон, окутанного трубками и мигающими датчиками.

За окном занимался рассвет, тёплые лучи солнца коснулись лица Кирилла, который, несмотря на омрачающие встречу с Мариной обстоятельства, был счастлив.

Юлия Климова

*Но это детали, главное в том,
В том, что явилось взору потом,
В номере люкс лёг на диван,
В свадебном платье – самообман.*

«Крематорий»

– Что ты забыла в том отеле?
– Это не отель, это гостиница!
– Что ты забыла в той гостинице? – вздыхая, переспросила устало.
– Что-что? А куда было идти? На улице холодно, дома вы с отцом, а вечер только начинался, не расходиться же.

– Хорошо, но зачем нужно было пить?

– Как зачем? Все пьют, а мне отказываться? Я не такая, как ты, благочестивая и правильная. Нет этого во мне, нет и не будет, не заставишь, поняла? Надоело!

Несмотря на горькие слова, речь девушки была тихой, без запала, словно привычной и повторенной не один раз.

Словно маленький и взъерошенный воробей, она огрызалась, но знала, что это не имеет смысла.

Она скукожилась на диване, обняв руками колени, длинные волосы неровными тёмными прядками укрыли опущенное вниз лицо.

Две женщины были рядом, сидели по разным сторонам давно требующего ремонта старенького дивана и не слышали друг друга. Говорили на одном языке, но не понимали слов.

У одной был опыт, знания, вереница таких же молоденьких и глупых, которых вытаскивала с того света почти каждый день.

У другой – молодость, желание победить весь мир, неуверенность, что мир будет побеждён, сомнения и ожидания.

У одной – воспоминания о голубых глазах и курносом носе, чьи очертания еле угадывались после жестокого избиения и насилия.

У другой – ощущения от чуть шершавых ладоней, которые поглаживали по чувствительной груди.

Одна вспомнила вдруг и свою молодость, где на парня и взгляд было стыдно поднять, а уж другое и вовсе осуждалось в их семье. Но нередко она и другое слышала. Дядька, было, с женой приезжали, так и кровать скрипела. А вечером на ужине рядом брата садили двоюродного, что норовил то колено погладить, то подол приподнять. Тошно тогда было, да. Не знали. Не так раньше воспитывали. Но, может, и правильно, что не так.

Другая мечтала о будущем. Когда закончится наконец ненавистная школа, она уедет из дома и будет учиться. Не нужно будет никому отчитываться о том, во сколько пришла или где задержалась. А уж с кем время провела, так и вовсе никому не интересно.

Так, движение времени не останавливается, поколения сменяются, жизнь продолжается...

Наталья Ясницкая

*Нет, не так уж плохо всё у нас,
Есть ещё в душе надежда.
Я ещё увижу глубину небесных глаз,
Я ещё спою, как прежде.*

«Чайф»

– Ма-а-а-ам! Ну почему ты меня такую страшную родила? – взвизгнула Наташка.
– Посмотрю, какую ты родишь. Хватит капризничать. Одевайся, в школу опоздаешь.
– Ага, сестра вон какая. Талия узкая, ноги длинные. А сама брюнетка с зелёными глазами, а я? Рыжая, маленькая, квадратная. Даже талии нет. Не пойду в школу, – насупилась Наташка.
– Рыжая, рыжая, – пропела старшая сестра-студентка и высунулась из прихожей.
– Ма-а-ам, она ещё и дразнится!
– Таня, прекрати! Как маленькая! – резко крикнула мать в сторону сестры.
Входная дверь хлопнула. Наташка посмотрела в окно. Танька садилась в машину к жениху Кольке. «Ух, ну и везёт же ей. Красивая потому что», – подумала Наташка и пошла собираться в школу.

А дальше день не заладился. На уроке математики Наташка страдала. Она ненавидела математику, так же, как свои веснушки. После неудавшихся попыток решить уравнение пятого класса она заскучала и стала разглядывать себя в отражении оконной рамы. Даже там веснушки напоминали ей о том, что она страшная.

«Ну всё, сегодня приду и буду выжигать эти ненавистные точки перекисью, – решила Наташка. – Хочу белое лицо, чистое, как у Ирки с первой парты».

– Иванова, хватит мечтать, – сделала замечание математичка. – Иди-ка к доске.
– Не пойду, – ответила Наташка и покраснела.
– Тогда два, – невозмутимо пожала плечами учительница.
На перемене к девушке подошла завуч.
– Наташа, пойдём, тебя сестра ждёт.
– Зачем?
– Таня тебе всё объяснит.

В машине Танькиного ухажёра Кольки было душно и пахло семечками. Наташка смотрела сквозь заляпанное стекло и молчала. В голове крутились слова сестры: «Мама в больнице, мы едем к ней».

В приёмной к девушкам вышла медсестра и, окинув их взглядом, сухо сказала:
– Ждите, сейчас вашу маму оперируют. Врач освободится и поговорит с вами.

Голова Наташки стала тяжелой, словно на неё надели железный шлем. В животе всё сводило от страха и голода. Во рту пересохло.

– Тань, что с мамой?
– Инфаркт, – тихо ответила сестра.
– Она ведь не умрёт? – прошептала Наташка.
– Я не знаю...

– Какая же ты дура, дура! – в сердцах крикнула Наташка. – Если бы ты мне рассказала раньше, что у мамы слабое сердце, я бы... я бы...

– Ну что ты бы?

– Я бы не доставала её своими капризами, – скривила лицо девочка.

– Глупышка, иди сюда, – снисходительно хмыкнула Таня и обняла Наташку.

«Господи, пусть мамочка поправится, – молилась про себя Наташка. – Я больше никогда-никогда не стану её расстраивать. И пусть я навсегда останусь страшной и рыжей, только пусть мама живёт».

Ожидание было тягучим. Колька принёс пирожки из местной столовой, но в горло ничего не лезло. В дверях появился встревоженный папа.

– Па-а-ап, – кинулась к нему Наташка.

Он обнял её и погладил по голове. Девчушка больше не могла сдерживать слёзы и рыдалась.

– Ну, ну, перестань. Всё будет хорошо, мама поправится, – тихо сказал папа и чмокнул её в рыжую макушку. – Девочки, пойдёмте, нас ждёт врач.

Затаив дыхание, они вошли в кабинет. За столом сидела уставшая женщина-врач.

– Операция прошла успешно. Теперь главное, чтобы организм шёл на восстановление. И вы в этом должны помогать.

На последней фразе врач посмотрела на Наташку и улыбнулась.

На щеках доктора запрыгали яркие веснушки. Красивые рыжие локоны, только что освободившиеся из плена операционной шапочки, разметались по плечам.

«Не может быть! Она рыжая! – тараторила на неё Наташка. – Какая же она красивая. Она спасла маму. Хочу быть такой же, когда вырасту. А веснушки? Даже очень симпатичные».

РыбкиНа

И нам всем нужен кто-то, кто бы нас любил.

Всем нужен кто-то, кто бы нас любил,

И, если хочешь, я полюблю тебя...

«Зоопарк»

– Вот, – улыбаясь, Катя поставила водку перед лохматым пожилым мужиком, – ваша любимая.

Саня опрокинул рюмку и, улыбаясь, прищурился:

– Как дела, голубоглазая? Бабка всё так же строит?

– Строит, – кивнула Катя и налила следующую.

– Грусть-печаль... – вздохнул Саня. – Кто женился, помер за год? И даже не дерётся никто у тебя на работе?

– Макариха померла, сорок дней на прошлой неделе было, – вздохнула Катя, поправляя косынку на белокурой голове, – а жениться тут некому. Друзья хозяина заходят после смены на сто грамм, да и всё. Откуда в нашей глуши события?

Девушка собрала опустевшие рюмки и поставила их в окошко, из которого на тарелках с потускневшими каёмками пухлая рука периодически выставляла нарезанную колбасу и огурцы.

– Грусть-печаль... – повторил дальнбойщик. – Чего в город не едешь? Тут, кроме Макарихи, и обсудить нечего...

– На кого ж я свою бабу кину? – Катя пожала плечами и поставила баночку с зубочистками ближе к клиенту.

Дверь распахнулась, и в бар ввалился уже выпивший мужик в клетчатой рубашке с огромным пузом, похожим на мыльный пузырь. Он бахнулся на стул в углу и вальяжно расставил ноги.

– Катюня, милая, как обычно.

– Здрасьте, дядь Вася, – ответила девушка.

Она наполнила маленький графин, поставила на поднос вазочку с полевыми цветочками, тарелку с заготовленной закуской и побежала к толстяку.

Тот сально наблюдал, как молодая девчонка выставляет всё на стол, и выдал:

– Не был бы твой батяка корешем моим, зажал бы тебя прям за этим баром... Царствие небесное, хороший парень был...

Катя покраснела, схватила поднос и ретировалась за стойку.

Саня неспешно развернул корпус, смерил взглядом толстяка и спустился с высокого стула.

– Эй, боров! – Саня кивнул на «дядь Васю». – Извинись перед ребёнком!

– Опять ты, водила? Иди на ...! – ответил Вася и бросил недоеденный кусок колбасы на тарелку.

За две секунды Саня оказался около хама, выдернул его из-за стола левой рукой, а правой треснул по красной морде.

Вася опешил на мгновение, заткнул потёкший нос, но устоял и дал Сане в ухо. От неожиданности Саня грохнулся на пол. Вася что-то неразборчиво заорал, а Саня только увидел пуговицы с брюха оппонента, причудливо скачущие по полу.

Толстый друг отца, шатаясь, ринулся на улицу.

Катя бросилась к Сане, но тот только отмахнулся от помощи. Медленно поднялся, потрогал ухо и выглянул в окно.

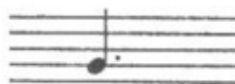
– Бегите, пока колёса вам не порезали, сейчас же всю деревню соберёт... – девушка сложила руки у груди.

– Старею, голубоглазая, да... скоро мои зубы полетят, как эти пуговицы... – проямлил Саня. – А ты езжай в город всё-таки, а то только мы с Макарихой и делаем вам тут события.

Саня поднялся, взял куртку со стойки, похлопал по карманам, проверяя ключи:

– В другой раз чтоб тебя тут не было!

Ольга Гузова

*Помнишь, когда ты был юн,
Ты думал, что ты всегда будешь таким.
Ты бродил по лесам, ты смеялся и пел,
Ты помнишь, что это такое – быть молодым...*

«Зоопарк»

Не перечитывая, он вложил письмо в конверт, написал адрес и опустил в почтовый ящик...

* * *

Добрый день!

Тают снега за окном... Февраль... Воздух влажный и густой, словно кисель. Кисло и холодно... Тоскливо. И вдруг понимаю: суeta всё это... И одиночество, и тоска. Есть что-то возвышеннее, нежнее, полнее, чем этот снег, февраль, липкий воздух... Я, мой внутренний мир воспоминаний, чувств – вот что самое живое, настоящее. Но февраль щиплет руки, влажный холод забирается под воротник...

Мечты, воспоминания... Как приливы и отливы, накатываются их волны на сознание. Руки автоматически делают домашнюю работу (рубят дрова, кормят свиней-коз-кур-кроликов, достают воду из колодца, чинят, ремонтируют, собирают, складывают, разжигают печь, подносят ложку ко рту...), а в голове одна за другой всплывают чудесные картины, полуреальные, полуфантастические, искренне-откровенно-прекрасные – и... рождается улыбка на устах, и становится нежно-тепло в груди, у самого сердца, будто, как в детстве, пушистый котёнок залез на меня, сонного, уместился посередине груди и мурчит-мурчит...

Немного смущён я. Это был сон или явь? Сон... но тогда почему по телу пробегает лёгкая дрожь, словно ветер колышет переспелые травы? И была ночь... И было тело удивительно молодое и упругое. И была душа, возможно, единственная в целой Вселенной, которая дарила, ничего не прося, искренне, откровенно, легко. Неужели так может быть?! Так приятно и сладко! За что мне такой подарок уготовила Судьба? И была ночь, наикратчайшая ночь. Сладкий туман забытья, горячее дыхание, запахи, которые дурманили голову, и ощущение неиспытанных наслаждений новых миров, реальностей, спектров и объятия тела, какого-то нереального, неземного, прекрасного...

Светало. Трубы гудели в кранах, сообщая подход воды. Дом спал, дремали лифты. Выходя, я понял: вот двери закрываются, исчезают эти волосы, и руки, и глаза, гибкий стан, а что делать мне – не знаю... Не знаю... Я сплю или брежу?..

Холодный мрак ступенек, первый этаж, а вот и выход. И вдруг – взрыв! В лицо ударило благословение, и ослепило глаза сияние куполов Собора. Я сел на пороге подъезда, переводя дух: «О Господи, я благодарю Тебя за Твою ласку к рабу Твоему. И за эту Женщину, что Ты дал мне» – и чуть не заплакал.

А потом парк окружил меня холодным утром и взглядом собаки. Она смешно смотрела на меня, когда я дремал, съёжившись на лавке. «Странно как-то, – думала собака – вроде пьяница, а пахнет трезво».

Очнулся я от давления в груди – что это? В кармане под сердцем иконка лежала и будто просила: «Отдай меня ей!» Часа два я простоял у светофора, ожидая Тебя. Иконка грела руку, а сердце благодарило Бога... Но не дождался...

Прошло время, и, когда нестерпимо стало, я молча отчаянно крикнул: «О Боже, позволь увидеть ту Женщину, которую Ты дал мне!» А через час сосед спрашивает: «В город надо? Попутчиком моим будешь?»

Тогда я и попал к Тебе на час (у дочки коклюш был, поэтому я спешил, набравши лекарств, домой)...

Три часа автомобилем – дорога к Тебе. Какая же она долгая и далёкая. Но мотор напел мне строки.

* * *

Ты живёшь вдалеке среди улиц ночных.
Часто снишься мне в объятьях моих.
Но к тебе не дойти и к губам не прильнуть,
Не узнать любви, погасив свечу.
Выпью грёз моих горький хмель.
Утро... очи открыв, без надежд бреду в день.
И грусти – не грусти, и кричи – не кричи:
Не те губы целуй, не тот стан обнимай.
Совы воют в гаях, и молчат соловьи.
Свою боль и в стихах мне не утопить.
Но в ночи бередит ЗАЧАРОВАННЫЙ миг —
На моём плече ТВОЯ УЛЫБКА СПИТ...

Есть и ноты. На Cassio играю немного. Живу нормально. Письмо писал в несколько заходов (поэтому разные цвета пасты). Заканчиваю его с самыми добрыми пожеланиями. Всё нормально. Божий дар бывает только раз, и за это я Тебе благодарен...

Gus_Eva

***

– В этот раз судьба увлеклась «Зоопарком?» – Марина, улыбаясь, посмотрела на меня.
– Вы знакомы с творчеством Майка Науменко? – с лёгким удивлением спросил я.
– Вторую песню, признаюсь, не слышала, а на первую мы с «Маринадом» кавер делали. Публика любит рок-н-роллы.
– Однако я не называл бы судьбой алгоритм случайного выбора песен. Звучит странно, особенно по отношению к творчеству этого музыканта. Судьба – это то, что случилось с Майком. Вы знаете, как он погиб? Прости, путаюсь, ты! Знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.